

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПОРТРЕТ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

В каждой семье есть свои реликвии и сувениры. Это фотографии родных, друзей и близких знакомых, письма и поздравительные открытки, номера старых газет и журналов, ордена и медали, значки и подарки, Почетные грамоты и старые афиши, книги с автографами и т. п. Как память сердца, они хранятся годами, переходят от одного поколения к другому.

Семейные реликвии и сувениры — немые свидетели интереснейших эпизодов, встреч, связей, судеб людей и целых событий. Они могут рассказать очень многое — нужно только заставить их заговорить.

С сегодняшнего дня «Кировская правда» открывает на своих страницах новую рубрику «Семейные реликвии и сувениры» и приглашает всех читателей, рабочих и сельских корреспондентов присылать для нее свои материалы.

Вечером я шел по улице Труда. Шел и, как всегда, по своей давней привычке, рассматривал дома. Они, словно живые, рассказывали мне о себе. Около одного двухэтажного потемневшего от времени деревянного дома я остановился. Мой взгляд привлекли наличники. Они были не такие, как на других домах: кружочки, ромбики, плашечки... У этого дома на наличниках были изображены лиры!

«Кому пришла в голову такая чудная мысль — украсить дом лирами? — думал я. — Может, владелец его был большим любителем музыки и хотел рассказать о своем увлечении всем? Может...»

В это время распахнулась калитка, и со двора вышла женщина. Я спросил ее о старожиле этого дома, надеясь, что они-то помогут узнать тайну необычных наличников. Женщина посоветовала зайти во флигель, который стоял в глубине двора. «Там, кажется, кто-то есть из давних жителей», — сказала она.

Узкая полоска тротуаров привела меня к аккуратному крыльцу. В коридоре на одной из дверей я заметил металлическую пластинку с выгравированными на ней фамилиями: «Н. Ф. Васенин, А. Ф. Каминская».

Открыл пожилой мужчина. Я рассказал о цели своего прихода.

— Леры на наличниках? Не замечал. Тридцать с лишним лет живу здесь. Не замечал!

— Ну, а кому принадлежит этот дом? Не имел ли его хозяин какого-либо отношения к музыке?

— Право, не знаю... В комнату вошла совсем седая женщина с добрым, приветливым лицом. Мы познакомились.

— Антонина Федоровна, мы тут с вашим мужем говорим о наличниках, которыми украшен соседний дом.

— Об этом доме, о его бывшем владельце можно было бы узнать от одного нашего знакомого: он жил в нем. Только где разыскать его сейчас? Он так давно не был у нас.

Прощаясь, я еще раз посмотрел на картины, фото-

графии, развешенные на стенах уютной комнаты моих новых знакомых. И тут я увидел ранее не замеченный мною портрет. Он стоял на шкафу, подпертый с обратной стороны палкой. Когда я подошел ближе, то узнал Чайковского. Портрет композитора был написан маслом.

Я спросил:

— Антонина Федоровна, вы музыкой не увлекаетесь?

— Нет. Ни я, ни мой муж к музыке никакого отношения не имеем. — Антонина Федоровна посмотрела на портрет. — А вот моя свекровь — мать моего первого мужа... была музыканткой. Она училась у Чайковского.

— У Чайковского? — переспросил я.

— Ну, да. У самого Петра Ильича Чайковского! И портрет, на который вы смотрите, написала она, моя свекровь, Надежда Дмитриевна Китовская-Пожарская, урожденная Далматова.

— Значит, — перебил я Антонину Федоровну, — ваша свекровь была не только ученицей Петра Ильича, но и художницей?..

— Да, именно так.

Я долго смотрю на портрет. Лицо Чайковского сосредоточено, усталое. Стараясь вспомнить, где мне приходилось видеть похожий на этот портрет композитора. Но сколько ни напрягаю память, вспомнить не могу. «Неужели это неизвестный портрет, сделанный при жизни Чайковского?»

И мне захотелось узнать историю портрета, узнать о человеке, который видел великого композитора, учился у него.

И вот что я узнал.

В семидесятых годах прошлого века в Вятке хорошо было известно имя Дмитрия Яковлевича Далматова, управляющего почтово-телеграфной конторой. Это был высокообразованный человек. В свое время он закончил Петербургский лесной институт. В учебном мире его знали как автора книги «Беловежская пуца и история зубров». За этот труд он был избран в действительные члены русского географического общества и получил от Лон-

донского зоологического общества золотую медаль с надписью: «Д. Я. Далматову в знак признательности за заслуги, оказанные обществу».

Дмитрий Яковлевич был горячим поклонником литературы, живописи и музыки. Его дом на углу Орловской и Казанской (Коммунистической и Большевикова) всегда был полон. На огонек гостеприимного хозяина приходили сосланный из Петербурга прогрессивный книгоиздатель Флорентий Павленков, владелец книжного магазина на углу Московской и Николаевской Александр Александрович Красовский, ссыльный польский революционер-

ноября 1870 года, — вспоминает впоследствии в своей автобиографии Аполлинарий Михайлович Васнецов, — я отправился вместе с Далматовым к губернатору! С альбомами под мышкой я вошел в кабинет. Далматов отрекотомендовал меня, что вот этот молодой человек, Васнецов, имеет стремление ехать в Академию художеств, и показал мои альбомы...

Губернатор посоветовал мне доучиться в семинарии, но Далматов возразил, что Васнецов, не теряя лишнего года, может сдать экзамен на кончившего курс в высшем художественном учебном заведении. Тогда губернатор, видя,

ходил он со своими учениками за город.

Немало рисунков сделал Андриолли в доме Далматова. Он оставил их как подарок своим ученикам. До нас дошло пока девять. Это в основном пейзажи. Их сохранила младшая дочь Дмитрия Яковлевича Далматова, Надежда Дмитриевна.

...Восемнадцати лет вышла она замуж. Сергей Алексеевич Китовский был землемером. Он, как и отец Надежды Дмитриевны, окончил Петербургский лесной институт. Сразу же после свадьбы в 1873 году молодая чета переехала жить в Москву. Надежда Дмитриевна любила музыку и живопись. Никогда не думая стать профессионалом, она в то же время относилась к своим увлечениям серьезно.

Хорошую технику карандашного рисунка Надежда Дмитриевна получила еще у Андриолли. В живописи ее авторитетом стал Аполлинарий Михайлович Васнецов. К приезду Надежды Дмитриевны в Москву он уже слыл в среде художественного мира человеком известным. Дружба с ним, которая началась еще в Вятке, не прерывалась до конца жизни. Васнецов часто бывал в московском доме своей старой знакомой. В тысяча девятьсот двадцать восьмом году, просматривая рисунки, сделанные когда-то им, его братом и Андриолли, Аполлинарий Михайлович подтвердил своей подписью принадлежность их авторам.

Все эти рисунки находятся сейчас в областном художественном музее имени А. М. Горького. Несколько лет назад их принесла в дар сноха Надежды Дмитриевны, Антонина Федоровна Китовская-Каминская.

Еще в Вятке Надежда Дмитриевна начала заниматься музыкой. В Москве она часто выступала в своем доме, на вечерах, где собирались ее друзья — артисты, художники, музыканты... Друзья советовали ей учиться.

И Надежде Дмитриевне повезло: ее приняли в консерваторию, в фортепьянный класс Петра Ильича Чайковского! Всего несколько месяцев занималась она у замечательного русского композитора и педагога, но память об уроках, незабываемых часах, проведенных за роялем с Петром Ильичем, Надежда Дмитриевна сохранила навсегда...

Много лет спустя ей захотелось написать портрет любимого учителя. Вначале она хотела создать его по памяти... Но оказалось, это просто невозможно: времени с тех пор, когда Надежда Дмитриевна занималась у Чайковского, прошло много... Тогда она решила взять за основу портрет композитора, сделанный в Париже фран-

цузским фотографом Рейтлингером.

Работала над портретом художница долго. С каждым днем перед ее глазами вставали все новые и новые знакомые черты лица учителя. От сходства с фотографией уже почти ничего не оставалось, разве только одежда: темный смокинг, белая рубашка с высоким стоящим воротником да бриллиантовая приколочка-полумесяц на галстуке...

На фотографии Рейтлингера Петр Ильич, можно сказать, еще молодой (фотография сделана в 1886 году). На портрете Далматовой-Китовской — Чайковский более поздних лет. Может быть, последнего года жизни. Усталое, болезненное лицо композитора избороздили морщины. Глаза сосредоточены на какой-то одной мысли. В них горит вдохновение. И кажется, что Чайковский сочиняет сейчас свою последнюю Шестую... Такт за тактом рождается знаменитая Пятая симфония...

Время наложило отпечаток на портрет. Он стал уже не тем, каким был когда-то в год написания.

...И снова я сижу в комнате моих новых знакомых. Последний раз Антонина Федоровна Китовская-Каминская с мужем была в Москве у своей свекрови летом 1930 года. Надежде Дмитриевне было тогда уже далеко за семьдесят... Она встретила их тепло. Долго расспрашивала о Вятке, вспоминала свою юность, вспоминала первого учителя рисования Андриолли...

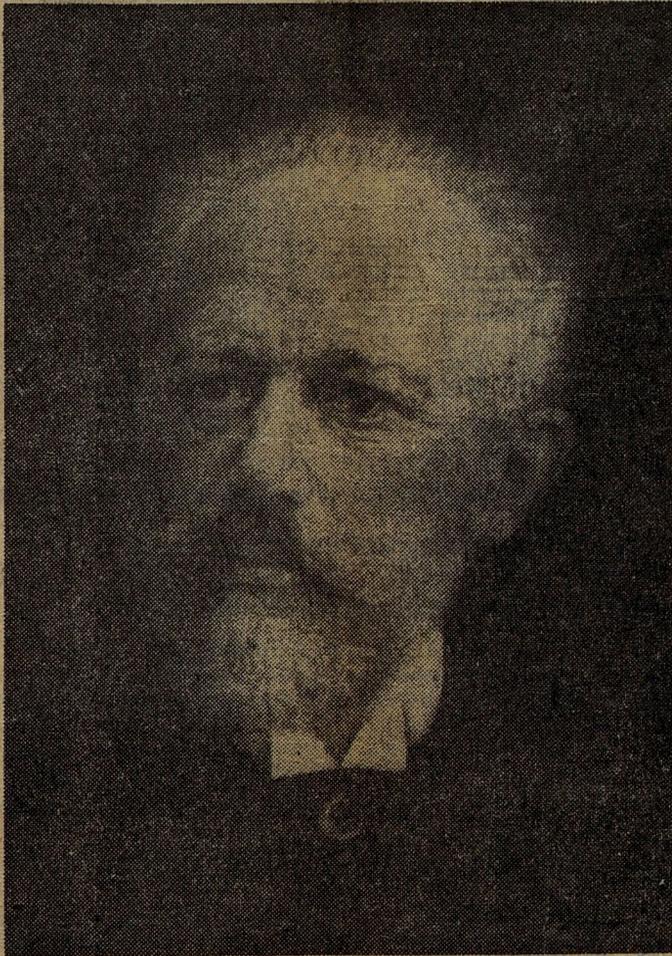
Надежда Дмитриевна Далматова-Китовская умерла в 1932 году. Ее наследство поделили сыновья. Один взял в память о матери часы, второй — портрет Чайковского, многочисленные семейные альбомы, рисунки Андриолли и братьев Васнецовых. Все это бережно сохранила Антонина Федоровна Китовская-Каминская.

Передо мной лежат уже давно ставшие историей рисунки Андриолли и братьев Васнецовых. В который раз смотрю я на портрет великого Чайковского. Я не хочу давать оценку этому портрету с художественной стороны. Он, конечно, не может быть причислен к лучшим портретам по исполнению. Главное, что этот портрет Чайковского сделал человеком, лично знавшим композитора, сделал его учеником.

Портрет Чайковского, написанный Далматовой-Китовской, дорог нам тем, что в нем присутствуют личные впечатления художницы, с большой любовью перенесенные на полотно. Мы как бы узнали о великом композиторе что-то новое, ранее неизвестное...

Вот и все, что я узнал, все, что я хотел рассказать об интересном находке, которые помогли мне найти необыкновенные наличники-лиры.

Р. ПРЕСНЕЦОВ.

художник Михаил Францевич Андриолли, братья-художники Виктор и Аполлинарий Васнецовы. Приходили вятские любители-музыканты...

Эти встречи порою превращались в литературные или музыкальные вечера. В импровизированных концертах выступали гости, сам Дмитрий Яковлевич и его дети.

Далматов пользовался в Вятке большим авторитетом. Это благодаря его ходатайству было сокращено время ссылки Андриолли. Это он, Далматов, заметив в совсем еще юном Аполлинарии Васнецове талант художника, пошел к губернатору Вятки просить, чтобы тот направил Аполлинария в Академию художеств...

...В один прекрасный день

что никак нельзя отложить дело в дальний ящик, пообещал дать мне письмо в Москву, в Строгановское училище... От губернатора мы отправились к Андриолли».

Андриолли!

О нем, мужественном сыне польского народа, говорила вся вятская интеллигенция. Имя Михаила Францевича Андриолли не сходило с уст детей Далматова. «Самым смелым, самым добрым человеком на свете...» называли они своего учителя рисования.

Андриолли не считался со временем, занимаясь со своими питомцами, старался выявить, развить у них все, что дала им природа, Михаил Францевич много заставлял рисовать с натуры. Часто вы-